

Исполнение желаний

Безмятежную тишину половины второго ночи нарушали совершенно несовместимые, перечасащие друг другу звуки: размеренное тикание часов и спонтанные всхлипы рыдающей Светланы. Часовому механизму, разумеется, было абсолютно все равно, кто там шмыгает носом поперёк его хода, а девушка просто не обращала внимания на внешние звуки. В ушах до сих пор звучал разъяренный крик начальника: «Дура! Уволена! Иди семечками торгуй!»

Света была сильна задним умом, и ближе к ночи у нее появилась целая куча ответов на вопиюще несправедливые претензии руководства: от оправдательных «вы же сами дали мне именно этот конверт для налоговой», до обличительных: «я-то пойду, а вам даже семечки доверить нельзя, вы их либо своруете, либо потеряете, а скорее всего перепутаете!» Но бесценные фразы подверглись ситуационной инфляции — говорить их теперь совершенно некому.

Начальника у Светы больше не было — ни плохого, ни золотого. У безработных начальников не бывает.

Слезы потекли в три ручья, наделяя каждую черточку милovidного личика зареванной припухлостью и нервической краснотой.

— На кого я завтра буду похожа? — спросила она Арчи, черного кота, единственного собеседника в этот поздний час.

Тот, естественно, не ответил. Он совершенно одурел от сбоя режима, устал мурчащими мантрами загонять хозяйку в кровать и теперь стеклянным взглядом сканировал пустоту перед собой.

— Конечно, тебе на это плевать! Лишь бы «Вискас» был с кусочками курицы! — Света попыталась устроить питомцу семейную сцену, но вдохновение, заглянув на миг, тут же покинуло ее, обещав быть позже.

Она вытерла слезы и вернулась к просмотру вакансий. Везде требовались мерчендайзеры, непременно активные и энергичные; менеджеры по продажам, желающие богатеть в исключительно

короткие сроки; главные бухгалтеры нужны были только модельной внешности, не старше двадцати пяти, с равным этому же возрасту стажем работы. А плакальщицы, как назло, никому не требовались, а жаль, за вечер она на этом поприще весьма преуспела.

Страница обновилась: «Требуется фея...» Света поморгала заплаканными глазами и апатично кликнула по ссылке.

«... на полный рабочий день, оплата договорная, спецодежда и инструментарий предоставляется работодателем...»

— Феина спецодежда... Тоже мне! Прямо как у Бальмонта:

...У ней наряды дивно-чудные,
Опал, топаз и хризолит...

А хризолиты тоже работодателем предоставляются, или самой приобретать? — усмехнулась она и, забавы ради, кликнула на «далее».

Тут же открылись требование к кандидату: «Энергичность и трудолюбие, общительность и

нацеленность на результат, вежливость и опрятный внешний вид».

— Опрятный внешний вид восстановим, а остальное — прямо про меня.

Света часто говорила вслух сама с собой, хотя прекрасно знала, что это первый «звоночек» патологического одиночества. Что поделать? Не сложилось, так не сложилось.

В объявлении был указан телефон с заверением: «звонить в любое время».

— Что ж, в любое, так в любое, а значит, половина второго ночи тоже подойдет. Нужно отвечать за свои слова даже на просторах интернета. Вот позвоню сейчас и поинтересуюсь, как у них насчет хризолитов?

Света потешалась вовсю, но, набрав указанный номер, опомнилась и сбросила вызов.

— Спать, спать, спать! — произнесла она, как заклинание, и побрела укладываться.

Благие намерения прервал входящий.

— Сдурели?! — Света подскочила от неожиданности. — Два часа ночи! Хулиганье!

Она кинулась к тумбочке, где надрывался мобильник, второпях уронила его на пол. Задняя крышка с щелчком отлетела в сторону, аккумулятор последовал за ней. Это было невероятно, но, несмотря на отсутствие питания, телефон продолжал звонить. Уже не доверяя ни глазам, ни ушам, полагаясь лишь на интуицию, которая, кстати, не обещала ничего хорошего, Света на всякий случай от телефона попятилась.

Арчи, единственный представитель сильного пола в этом доме, мужское начало не проявил — умчался прочь, оставив напуганную хозяйку самой разбираться с проявлением сверхъестественного. Разбитый телефон заливался руладами. По батарее уже стучала чуткая к шорохам соседка Людмила Ильинична.

— Надо что-то делать! — взвыл внутренний голос, и Света применила тактику точечного удара подушкой.

— Светлана Викторовна! — позвал из-под подушки нетерпеливый голос человека преклонных лет. — Возьмите трубку, пока всех соседей не перебудили

Света жалобно заскулила и кинулась отвечать на звонок.

— Слушаю.

— Наконец-то, — в трубке облегченно вздохнули.

— Что ж вы, яхонтовая, такая порывистая? Не успел я пальцем пошевелить, а вы уже трубку бросили. Я давно не мальчик-паж, чтобы отвечать по первому звонку даже такой очаровательной барышне.

Из всего услышанного девушка мало что поняла и решила, что ее отчитывают за телефонное хулиганство. Ей стало стыдно перед пожилым собеседником.

— Извините, — прошептала она.

— Да будет вам... Не соблаговолите ли ознакомиться с договором?

— С каким? — Света совершенно потеряла линию беседы.

— С трудовым, разумеется. Вы же на счет трудоустройства звонили?

Светлана начала догадываться, что стала жертвой розыгрыша. Смущение сменилось негодованием.

— Вы нам полностью подходите, но, думаю, для начала предложить испытательный срок.

Повисла пауза в ожидании Светинового ответа, но положенных пяти часов для рождения остроумной фразы еще не прошло. По-своему истолковав замешательство собеседницы, на том конце продолжили:

— Не то чтобы мы в вас сомневались, голубушка, просто таков порядок. Заключим пока договор на день. Как вам предложение?

Света решила подыграть и, придав голосу как можно больше суровости, произнесла:

— Устраивает!

Тут же подавилась слюной, закашлялась до слез. Раздражению не было предела. Как только удастся этому наглому юнцу, так менять голос? Наверное, какая-то звуковая примочка стоит.

— И по поводу хризолитов...

Услышав это, Света насторожилась, хризолиты в совместном разговоре не обсуждались. Нервы нервами,

а на память она не жаловалась. Тон телефонного хулигана источал искреннее сожаление:

— Мне, право, неловко... Они у нас только при стаже от ста трех лет.

Голос совсем было загрустил, но тут же ободряюще заверил:

— Зато опалы и топазы превосходные, высшая степень исполняемости желаний. Буквально на днях прошли поверку Контроля магической эффективности — никаких нареканий. Да, собственно, что я вас агитирую, вы же согласны!

И Света поняла, что она полностью согласна, всем абсолютно довольна, безгранично счастлива, бодрa, весела и готова приступить к своим обязанностям к началу рабочего дня, а теперь:

— Спать, спать, спа...

Звонок будильника не дал даже произнести последнее «ть». Света долго приходила в себя, пытаясь понять, как это она так уснула прямо в тапочках, положив под щеку разбитый мобильный. Судя по

ощущениям, клавиатура оставила отчетливый отпечаток, хоть сейчас номер на щеке набирай.

— Ну и сон! — пожаловалась она Арчи. — Всю ночь на работу устраивалась.

Кот не выказал понимания, пренебрежительно фыркнул. Чувствовался явный недосып, что и следовало ожидать после вчерашней драмы.

— Как же я будильник не переставила? — досадовала она. — В центр занятости в любое время можно, для этого необязательно в полседьмого подскакивать.

Прохладная вода смыла остатки сна. С наивной надеждой, что от вчерашнего плача не останется и следа, Света украдкой посмотрелась в зеркало. Отражение заставило ее отшатнуться, заорать, завертеться волчком в поисках незнакомой злоумышленницы, невесть каким образом проникшей к ней ванну.

Рядом никого не оказалось. Но из зеркала вместо привычной по утрам растрепанной заспанной шатенки на нее глядела перепуганная блондинка. Тугие локоны

кино-дивы обрамляли безупречный овал лица. Собольи бровки, драматично поднятые вверх, ничуть не тревожили высокий лоб. Влажные глаза испуганной серны сияли тревожным блеском в сени крыльев-ресниц. Чувственные губки приоткрылись в вздохе изумления, а коралловый румянец, вспыхнувший на бархате утонченных скул, чудесно подчеркивал жемчужный тон лица. Приглядевшись, поражённая Света узнала в незнакомке саму себя. Уже не зная, чему верить, глазам или мозгу, сомневаясь и в том, и в другом, но все еще доверяя конечностям, со всех ног бросилась из ванной. Зеркало шкафа-купе тоже участвовало в розыгрыше, демонстрируя гламурный образ.

— Я сошла с ума, — поставила себе диагноз жертва галлюцинаций. — И, пока я это еще понимаю, срочно надо к врачу. Или не надо? Вот так умом тронешься, а кроме кота никого рядом нет, чтобы посоветовать, как быть дальше.

— Посоветовать и я могу, — отозвался кот.

Он по прежнему мурчал и мяукал, но Света теперь понимала каждое кошачье слово. Раньше ее бы это крайне удивило, но она уже смирилась с помешательством, поэтому все шло по плану — сначала зрительные галлюцинации, теперь слуховые.

— И мой совет: не стоять, в чем мать родила — в одном банном полотенце, а поторапливаться. А то и опоздать можно.

— Я, между прочим, никуда не тороплюсь! — вступила в перепалку с котом Света.

— Опаздывать в испытательный день — это, знаешь ли, моветон. А тебе ещё с топазами разбираться. Не такая уж ты у нас способная, чтобы с первого раза технику освоить. Я уж жалею, что взялся тебя рекомендовать. Но что б ты без меня делала?

Света хотела поймать негодника, взявшегося поучать ее, стиснуть мордочку в ладонях и дунуть в шагреневый нос, чтобы он сморщился от отвращения и фыркнул полдня. Но Арчи задрал хвост трубой и успел надменно удалиться.

Вникать в кошачьи речи по меньшей мере странно, и Света не стала на этом сосредоточиваться. Первым делом предприняла попытку одеться.

Одежды в шкафу не было. Вернее то, что там было, наверняка, являлось одеждой в каком-то смысле и даже принесло бы ее обладательнице ошеломительный успех, но исключительно при дворе короля Людовика четырнадцатого. Вместо джинс и свитеров, уютных клетчатых рубашек и толстовок шкаф переполняли совершенно невообразимые детали туалета: теснились бальные платья, ниспадающие до пола волнами шелка и кружев, всевозможные накидки, плащи, жилетки, парики и прочее, чему в ее представлении не было даже названия, не то чтобы способа это надеть.

Света вертела в руках прозрачную кофточку, словно сотканную из паутины, с вышивкой лучами лунного света, падающего летней ночью на террасу.

— Что это?

— Канза, разумеется, — ответила кофточка. —

Позвольте представиться!

— Очень приятно, — прошептала перепуганная Светлана.

— Разрешите так же порекомендовать себе в пару вот этот малиновый эшарп.

Из шкафа выглянул конец роскошного шарфа и элегантно поклонился.

— Выбрав нас, вы будете великолепны! — продолжала церемонию знакомства говорящая канза.

— Да вы издеваетесь?! — из глубины шкафа раздался чувственное меццо. — Куда вы идёте? Да-да, вы оба невозможно устарели, вы — хлам!

На каждую нелестную характеристику кофточка и шарф возмущенно взвизгивали и злобно вздрагивали.

— Нет-нет, — продолжал голос, принадлежащий белому платью с невероятно широченной юбкой. — Сейчас совершенно невозможно появиться ни в чем, что не имеет кринолина, а мой кринолин покроен по самой последней моде.

Тут в шкафу поднялся такой гвалт, который Света слышала лишь однажды на собрании женской части

коллектива по поводу выбора кафе для проведения корпоратива на Восьмое марта.

Платья спорили более чем эмоционально, но глубокое меццо перекрывало весь галдеж, уверенно отстаивая собственное превосходство.

— Вот и прекрасно! — решила Света. — Доза уверенности будет как нельзя кстати!

Пока спор одежды не перерос в драку, выхватила из гомонящей глубины белоснежное платье.

— Вот так, неудачники, счастливо оставаться! — ликовала избранница.

— Тише, прошу вас, тише, — Света пыталась успокоить летающее вокруг нее платье. — Я и так не знаю, каким образом вас надевать,

— Ах, дорогая, нет ничего проще, — буквально пропела одежда и сама оказалась на хозяйке.

Никогда еще не было так удобно, полностью комфортно! Тело словно окутали облака. Нежнейший шелк, подобно лепесткам роз, ласково касался кожи, кружева переполнены воздухом, словно в них поселился летний ветерок. Платье было просто

невесомым, в нем и Света приобрела ощущение легкости, полетности. Она оттолкнулась от земли и воспарила. Платье кружило ее в воздухе под звуки вальса, который само и напевало.

— Ах, никогда у меня еще не было столь очаровательной хозяйки!

— Вы мне льстите, — кокетничала Света.

— Конечно. Это и считается правилом хорошего тона.

Признание быстро опустило Свету на землю.

— Дорогие мои, вам пора! — с таинственной торжественностью объявил кот. — Вас ждут несбыточные желания.

— Ах да, — спохватилась платье и понесло Свету к выходу из квартиры.

— Топазы, — напомнил Арчи.

— Ох! — театрально воскликнуло платье и на секунду задержалось в дверях, чтобы Света успела подхватить расшитый бисером увесистый ридикюль.

Они стремительно летели вниз по лестнице. Дух захватило, когда на третьем этаже встретилась тучная

Людмила Ильинична. С раннего утра она уже посетила регистратуру поликлиники, дабы взять талончик к невропатологу, или отоларингологу, или окулисту, или неважно к кому. К кому талоны будут, к тому и взять, потому что «не то что болело что-то конкретное, но надо что-то делать, а чего бы оно не болело, если всю жизнь здоровья нет и взять неоткуда». А на обратном пути зашла в магазин, потому что «не то что чего-то в холодильнике не было, но как же иначе?»

— Ой, простите, пожалуйста! — на одном дыхании выпалила Света, пролетев соседку насквозь.

Но Людмила Ильинична не ощутила ее никаким образом. Зато Света почувствовала чужую боль в подреберье, невыносимую тяжесть в ногах, одышку, а так же неподъемность пакета, из которого угрожающе торчала палка копченой колбасы, а упаковка майонеза острым краем уже надрезал стенку, готовясь выпустить на свободу десятки тысяч килокалорий в виде купленных «впрок и на всякий случай» продуктов.

Света сочувственно посмотрела вслед еще нестарой женщине и машинально, словно много раз

уже проделывала подобное, достала из ридикюльчика топазы. Она с легкостью растерла между ладонями камни в пыль и дунула в сторону соседки.

Продукты, тщательно выбранные Людмилой Ильиничной по основополагающему признаку «мегаскидки» на просроченный товар, трансформировались. Теперь сумка была полна свежих овощей и спелых фруктов. Таким же чудесным образом поменялось содержимое холодильника и буфета, забитых доверху консервами и прогоркшей бакалеей. С кухни исчезли годами накапливаемые пластиковые контейнеры, баночки от майонеза, пустые коробки от молока, целлофановые мешочки. Пропали из дома расшатанные стулья, давно не позволяющие на себя садиться, неработающий телевизор, служащий подставкой для новехонького работающего, и целая куча хлама, о котором хозяйка давно забыла и ни разу не вспоминала.

Вернувшись домой, Людмила Ильинична заметила исчезновение большей части вещей, решила, что ее обокрали, и уже схватилась за мобильник, чтобы

заявить в милицию, но передумала. Вместо этого позвонила невестке и пригласила внуков, шумных пацанов, поиграть у бабушки на освободившихся просторах, пошуметь, попрыгать и помочь старушке съесть килограммы яблок, апельсинов и хурмы.

Светлана уже на выходе из подъезда засомневалась в правильности выбора поющего платья, как единственного предмета туалета для выхода в свет в декабре. Оно ей невероятно шло, но вот от зимней стужи совершенно не спасало.

— Вам совершенно не о чем беспокоиться, голубушка, — наряд почувствовал сомнения хозяйки. — Представьте, что бы вы надели для тепла.

Света представила и тут же оказалась в пуховике, застегнутом на все кнопки.

Изнутри раздался сдавленный стон:

— Что это за чудовище?! Отмените немедленно, оно же мнёт меня и совершенно вам не идёт. Этот матрас вас уродует!

— Извините, — испуганно залепетала Светлана.

Пуховик бесследно исчез. Света вновь мёрзла на лестничной площадке. К тому же входная дверь открылась, запуская потоки морозного воздуха, и, казалось, конца этому не будет, потому что в подъезд начал медленно, но верно просачиваться Пашасовторогоэтажа.

Пашасовторогоэтажа в подъезде был местной достопримечательностью. Все жители четырех верхних этажей безмерно радовались и благодарили судьбу, что Паша именно со второго этажа и живёт не над ними. Из чувства сострадания раз в квартал все сбрасывались небольшими суммами на ремонт квартиры на первом этаже, которую он с удивительной регулярностью заливал то водопроводным, а то и канализационным способом — это уж как бог даст. Жертвы потопа боролись с Пашиным пристрастием к квартирным катастрофам и кнутом, и пряником: жаловались в ЖЭК, в полицию, депутатам, осталось лишь поставить Владимира Владимировича в курс дела, но с таким же резонансом можно было ещё написать в Спортлото. Пытались идти на переговоры, но человеческий язык

Паша чаще всего был не в состоянии воспринимать, поэтому его задабривали, угощали. Паша стал внимательнее, начал узнавать своих "благодетелей", но поделаться с собой ничего не мог. В конце концов соседи съехали, в квартире поселились другие, но Паша-то никуда не делся. И пошло оно все по-новой — ругань, жалобы, переговоры, пустые надежды.

— Сорок лет, а все Паша! — раздраженно подумала Света, отходя в сторонку. Она уже начала вникать в закономерности сегодняшнего причудливого дня и была уверена, что мужик её не увидит, не услышит и пройдёт насквозь, даже не передернется. Но он почему-то увидел.

— О! Фея! — то ли воскликнул, то ли икнул не вполне трезвый сосед. — Фея! Чтоб мне сдохнуть!

— Ну фея, и что дальше? — пробурчала Света.

— Фея, милая, исполни моё желание, малюсенькое, пожалуйста, — на удивление инфантильно и трогательно затынул сорокалетний переросток.

Свету тон смутил и не дал отмахнуться от навязчивого собеседника. Воспользовавшись привлеченным вниманием, Паша наглел:

— Вернее два.

— Водки и селедки? — предположила Света.

— Не-ет! — Паша интенсивно замотал головой. — Это я и без тебя могу достать. Мне бы кисточки «колонок» и «белку» номер шесть... И три для начала, и краски художественные...

Света мало что поняла про колонка и белку, но рука уже сама расстегнула ридикюль. У Паши в руках появился бумажный свёрток, приличный вес и объём которого давал понять, что кисточками исполненное желание не ограничилось. Света сформулировала это как "всечтохудожникупонадобится". Паша даже присел от восторга.

— Спасибо, фея! — прошептал он и кинулся вверх по лестнице на свой второй этаж.

— На здоровье, — хмуро ответила Света.

— Я тебя нарисую! — кричал с лестничной площадки благодарный художник.

— Только попробуй! — пригрозила Света и покинула подъезд.

Холод напомнил о недостатке одежды. Она представила белое манто с капюшоном и муфту. Платье одобрило подобное соседство. Порывы декабрьского ветра были не страшны, снежные хлопья напоминали мотыльков, а слякоть не касалась парящих ног.

Света понятия не имела, куда именно нужно направляться. Платье, наоборот, летело весьма целеустремленно и пело попури из вальсов Штрауса. Под эти кружащиеся мотивы фея легко лавировала среди прохожих. Она не ленилась и прилежно исполняла желания. Но скоро загрустила. Люди мечтали о новом гаджете, отпуске на море, женщины хотели шубу, а мужчины авто, и все хотели денег, получить и потратить. Расходовать волшебные камни на деньги стало как-то даже обидно, но желания были сильными, определенными и Света старалась вовсю.

Из дверей торгового центра вышла семейная пара с симпатичной девчушкой лет шести. Родители ворчали друг на друга, а ребенок плелся позади. Света

прислушалась. Отец семейства хотел, чтобы партнеры по бизнесу не заметили нестыковки в контракте, мамаша — похудеть и шоколадный торт, малышка мечтала, чтобы родители не ссорились.

— Мама, папа, глядите, фея!

— Никаких фей! У тебя полно игрушек.

Девочка удивленно посмотрела на парящую Светлану и робко помахала ей рукой.

Света запустила руку в ридикюль. Он был совершенно пуст, камни закончились. Фея раздосадовано вздохнула, но тут платье устремилось прямо в витрину магазина карнавальных костюмов. Девушка взвизгнула, представив, как лбом разбивает стекло и застревает между человеком-пауком и фривольной ведьмочкой. Но удара не последовало, и оказалась она не в магазине, а внутри просторного офиса. Света, рассерженная таким неожиданным маневром, раздраженно одернула платье, в ответ то злобно затянуло корсет.

В помещении было три рабочих места. За одним сидел старичок в отлично пошитом твидовом костюме.

Справа от него, к большому удивлению Светланы, закинув на стол лапы в замшевых сапожках, нагло развалился Арчи собственной персоной. Слева стучала костяшками огромных счет расположилась розовая дракониха .

— Светлана Викторовна, голубушка, заждались вас! — старичок поднялся навстречу.

Он оказался ниже Светы на полголовы. В окружении давно нестриженных кудряшек сияла лысина, а вот лицом был весьма моложав, будто мальцу лет двенадцати, наложили грим из сеточки морщин на лбу и в уголках глаз, но с юношеским румянцем поделаться ничего не смогли.

— Я ей, между прочим, говорил, — втерся в разговор кот.

— Да полно вам, Арчибальд Карлович, — отмахнулся старичок. — С почином! Гляжу, у вас великолепно выходит.

— Да уж, до обеда все топазы растрочены, — проворчала дракониха и с грохотом передвинула костяшки счет на одну сторону.

— Все в дело, Аглаида Иогановна, все в дело, — пропел старичок. — К тому же вы знаете, что все вернется сполна и приумножится.

— Да уж, — мяукнул Арчи, перебирая в лапах бумаги, — ох и слез сегодня будет!

— Каких слез? — не поняла Светлана.

— Горьких, — он выразительно посмотрел поверх бумажных листов. — А ты думала, как это работает? За бурной радостью после сбывшегося желания придут великие печали.

— Я ничего не понимаю.

— Не волнуйтесь, драгоценная вы наша, — старичок кивком предложил Светлане присесть, и продолжил. — Вы слышали о законе сохранения веществ? Так вот принцип тот же. Для примера рассмотрим первый случай. Людмила Ильинична получила от вас весьма серьезные преобразования собственной жизни — на целую пригоршню. К вечеру она в пух и прах рассорится с невесткой из-за различных взглядов на воспитание детей, заест стресс завалявшейся копченой колбасой и попадет в больницу

с приступом панкреатита. И уж слез прольет на три таких пригоршни.

— Пойдите, выходит, что топазы это...

— Не совсем, милочка, берите выше. Топазы и опалы — это так, вздохи разочарований. Алмазы — вот цель наших усилий. Эльфы округа Улинго весьма преуспели в производстве бриллиантов из нашего сырья.

— Но ведь это нечестно!

Света была потрясена. Она так радовалась, что приносит пользу, а оказалось, делает только хуже. Ей стало ужасно горько за Людмилу Ильиничну, и она теперь даже порадовалась, что на грустную девчушку топаза не хватило, а то неизвестно еще, что и вышло бы.

— Милая моя, о чем вы? А желать чего-то страстно, не ударяя при этом палец о палец, честно? За все надо платить. Кстати, Арчибальд Карлович, вы договор подготовили?

— А как же. В лучшем виде: контракт бессрочный, оплата, согласно Положению, плюс премиальные.

— Премиальные... — передразнила дракониха. — Хорошо устроилась! Весь день вальсировала, все топазы растратила, и ей премиальные. А ты сидишь тут на окладе, вкалываешь в поте морды, а отпуск у тебя только через четверть века!

— Аглаида Иогановна, опять вы волынку завели. Кто вас просил дышать огнем на спецодежду? Могли бы тоже сейчас порхать под Штрауса.

— Оно меня провоцировало!

— Хорошо-хорошо, но никогда не поздно все поменять. Вот Светлана Викторовна получит топазы на складе и...

— Ну уж нет, черта с два! Мне ничего не нужно, меня все устраивает! — выпалила Аглаида и застучала костяшками с такой быстротой, что только маникюр на когтях засверкал.

— Превосходно. Вот, душенька, прошу вас, подпишите здесь и на другой странице.

— Простите, но мне ваше предложение не подходит, — Светлана отодвинула бумаги.

— Ну, началось, — закатил глаза Арчи. — Сейчас - то что не так?

— С тобой я дома поговорю. Я не собираюсь мошенничать даже таким чудесным способом.

— Дорогая, вы сами не понимаете, от чего отказываетесь. Жемчуга, хризолиты, перспектива карьерного роста... Вы же не будете все время работать с населением, только первые сто лет, а дальше пойдете на повышение к иной клиентуре. Век пролетит — глазом моргнуть не успеете. Зато там...

Но Света была непреклонна. Старик обиженно поджал губы:

— Что ж, как угодно. Спецодежду попрошу сдать Аглаиде Иогановне.

Платье на Светлане нервно задергалось, стремясь как можно скорее покинуть носительницу.

Аглаида проводила девушку в подсобку, которая располагалась в магазине карнавальных костюмов.

— Неблагодарная!

— Какая есть! У меня от ваших вальсов уже голова кругом.

Чтобы не идти домой нагишом, бывшей сотруднице, вместо вознаграждения, любезно позволили взять наряд ведьмочки. Светлану провожали презрительным молчанием. Лишь Арчи предупредил, что домой не вернется: он не собирается потратить лучшие годы девятой жизни на такую простофилю.

Свете казалось, что в странном офисе она провела лишь четверть часа, но на город уже опустилась тьма. Кутаясь в бутафорскую мантию, рассерженная девушка поспешила домой. Настроение было отвратительное. Карнавальные сапожки набрали ледяной воды из подтаявшего снежного месива и грозили развалиться. Колотила дрожь, стыли неприкрытые колени. Она бежала, обгоняя припозднившихся прохожих, стараясь не обращать внимания на несущиеся вослед вздохи удивления и нетрезвые присвисты.

Во дворе дома, как назло, топтался Пашасовторогоэтажа. Он неуклюже передвигался на костылях, нога по колено была в гипсе. Света попыталась проскочить незамеченной, но не тут-то было.

— О! Ведьма! А я утром фею видел, думал, протрезветь не успел, а теперь-то что? Я ж, как стёклышко!

— Привет, стеклышко! Что с ногой? Споткнулся, упал, очнулся гипс?

— Не-ет, — радостно ответил Паша. — Все утро фею рисовал, в обед за хлебом выскочил. Слышу, в подвале писк, гляжу, а там это...

И он приоткрыл полу куртки. На Свету уставились любопытные глазёнки. Щенок засопел, сладко зевнул. Рука сама потянулась погладить шелковую шерстку.

— Я его вытащил, а на верхней ступеньке поскользнулся и вот... Зато, смотри, какой бутуз! Слушай, возьми его себе хоть на время, пока я с ногой тут...

Света активно замотала головой: собака — это же ответственно, это весь образ жизни надо поменять, но руки сами уже вынимали пушистый комочек из-за пазухи. Щенок приветливо заурчал и попытался лизнуть хозяйку в нос. Света засмеялась и поняла, что

давно уже готова к переменам. Прижала пушистый комочек к себе и счастливая поспешила домой.

— Вот спасибо! Я тебя нарисую!

— Только попробуй! — шутливо пригрозила Светлана.

© Виктория Радионова 2018